

Кто знает, что всё это такое? Невероятная бомба, внезапная засада, непредсказуемые жизнь и смерть. За исключением Хирасимы Ядзу, которого после получения записки отправили в отпуск с последующим увольнением, лежащих в больнице полицейских и погибших, в Столичном полицейском департаменте сейчас никто не мог позволить себе остановить работу. Требовалось как можно скорее передать дело Тохико, уладить вопросы с журналистами, толпившимися у входа в департамент, допросить потерпевших, навести порядок внутри самого участка, похоронить погибших товарищей и составить рабочие отчеты. Эта гигантская машина продолжала грохотать и вращаться, словно гибель нескольких человек не могла причинить ей ни малейшего вреда. Казалось, тот инцидент оставил тяжелый след в душе Кудзэ, которая ранее занималась расследованием дела семьи Тоёда: в день, когда в Столичном полицейском департаменте завершился ремонт, она подала рапорт о переводе в транспортный отдел.

— Кудзэ? — Инспектор Мэгурэ замер, получив рапорт.

— Не смотрите на меня так, инспектор Мэгурэ, — с подавленным видом опустил голову, произнесла Кудзэ. — В таком состоянии я больше не смогу работать в Первом отделе расследований.

— ...Врачи тоже говорят, что ничего не поделать?

— ...Ничего не поделать.

Кудзэ присутствовала при последнем допросе, который вел Хирасима Ядзу, и ей не повезло — брызнувший осколок стекла пронзил ее правую руку. Врачи сказали, что нервы на руке повреждены и даже после восстановления останутся последствия. И все они, будучи полицейскими, прекрасно понимали, что это за последствия.

Инспектор Мэгурэ тоже понимал, поэтому молча взял ручку и расписался на рапорте о переводе. Подписывая, он с горькой усмешкой бросил:

— Ну всё, Первый отдел расследований теперь окончательно превратился в клуб холостяков. Одни мужики в отделении. Полагаю, летом мне даже в кабинет заходить не захочется — от всех потом разит.

— Не говорите так, инспектор Мэгурэ, — Кудзэ наконец подняла голову и слабо улыбнулась. — От офицера Хирасимы всегда приятно пахнет. Если будет возможность, спросите у него при случае, какими духами он пользуется.

Великие перемены всегда сопровождаются жертвами и кровопролитием, поэтому эти двое — одна сидя, другой стоя — улыбались и разговаривали, делая вид, будто не замечают слез в глазах друг друга.

Пятнадцатого июня погибшего при исполнении служебных обязанностей офицера Мидзутани Кунихико наконец предали земле на кладбище. Стоял пасмурный день, темные тучи давили

сверху, казалось, вот-вот разразится буря, но дождь так и не упал. Со всех сторон слетелась толпа журналистов, нацелив длинные объективы на тех, кто пришел на похороны. Среди людей в траурных черных костюмах, державших в руках белые хризантемы, отчетливо выделялся Хирасима Ядзу. Он редко изменял своему привычному кофейному плащу — на этот раз на нем был черный строгий костюм, а волосы полностью зачесаны назад и собраны, обнажая острые изломы бровей. Журналисты непривычно для себя обошли Хирасиму стороной и обступили Мегурэ Дзюдзо, засыпая его самыми едкими вопросами. В их устах Мидзутани Кунихико превратился лишь в ступеньку для того, чтобы задать свои вопросы.

— ...И когда уже наконец изменится эта привычка устраивать пресс-конференции на похоронах погибших? — спрятав лицо за белой хризантемой, недовольно пробормотал в толпе Хирасима Ядзу. — Хоть капля уважения к покойному у них есть?

Детский голос раздался в подтверждение его мыслей:

— Почему вообще репортеры пришли на похороны моего отца?

Хирасима опустил руку и посмотрел туда, откуда доносился голос.

Там стоял мальчик лет шести-семи, внешне очень похожий на Мидзутани Кунихико. Он тоже был облачен в черный костюм и находился в кольце полицейских, которые молча прикрывали его собой, ограждая от назойливых репортеров.

Мальчик, казалось, почувствовал взгляд Хирасимы, повернулся и встретился с ним глазами.

— Мидзутани Шота, — представился он Хирасиме.

— Хирасима Ядзу, — машинально ответил тот.

Мидзутани Шота кивнул:

— Я знаю тебя. Отец рассказывал мне о тебе, говорил, что ты лучший полицейский в департаменте.

Губы Хирасимы внезапно замерли. Он посмотрел на бесстрашного ребенка, попытался изобразить улыбку, но уголки рта лишь едва дрогнули, так и не сложившись в улыбку.

— ...Прости, — произнес он.

Мальчик же оставался совершенно беспристрастным и даже не спросил, за что тот извиняется. Спустя мгновение он приблизился к Хирасиме и снова повернул голову. В его необычных розовато-красных глазах отражались вспышки камер безумствующих журналистов

и измученный инспектор Мэгурэ.

С неба наконец закапал дождь.

Хирасима Ядзу молча снял пальто и набросил его на голову Мидзутани Шоты. Аккуратно отглаженное сукно защитило от дождевых капель, а в ноздри ударил едва уловимый аромат. У Мидзутани Шоты защипало в носу, и он тихо произнес:

— Я не думал, что когда-нибудь окажусь здесь, офицер Хирасима. Как думаете, не страшно ли моему папе там, на том свете, слышать все эти вопросы? Он за всю жизнь столько репортеров разом не видел.

Уход Мидзутани Кунихико оказался слишком внезапным. Всего полмесяца назад он с горящими глазами обещал Мидзутани Шоте обязательно прийти на его соревнования, даже потрепал сына по макушке и со смехом уверял, что в этот раз точно будет на трибуне.

Хирасима Ядзу сделал вид, будто задумался:

— Наверное, нет. Когда тебя слишком много о чем-то спрашивают, перестаешь бояться.

И добавил:

— К тому же...

Рука Хирасимы поверх пальто опустилась на голову Мидзутани Шоты:

— Ты ведь здесь. Настоящий отец никогда не покажет слабость перед ребенком.

Слушая это, Мидзутани Шота не удержал слез. Сжав пальцами край пальто, он прошептал:

— Я ненавижу этих журналистов.

— Мм, я тоже их ненавижу.

— Хочу устроить им какую-нибудь пакость.

— Тогда можешь поступить на факультет журналистики, а потом отравить им жизнь прямо в лицо.

— Хочу, чтобы их вообще не существовало.

— Боюсь, так не получится.

Хирасима чуть надавил рукой на голову мальчика, призывая прислушаться:

— Хотя нельзя отрицать, что некоторые из их репортажей звучат дико, именно они рассказывают о многих согревающих душу вещах. Без средств массовой информации современное общество обойтись не может.

Мидзутани Шота больше ничего не сказал, а тяжеловатая, но надежная рука так и осталась лежать на его голове.

<http://bllate.org/book/21988/2285896>